

ИДЕАЛЬНАЯ ИЗМЕНЁННАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КИРА УАЙТ

Кира Уайт
Идеальная Изменённая
Серия «Братство», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63061916

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-99161-3

Аннотация

Что бы вы сделали, если бы ваша жизнь изменилась в одно мгновение? Ханна знает ответ на этот вопрос. Раньше она жила обычной жизнью: общалась с друзьями, ходила на свидания, но однажды проснулась в... гробу и ощутила, что стала совсем другой. Найдёт ли она спасение? Существует тайная организация для борьбы с теми, кто хочет уничтожить мир. Они навсегда отказались от идеи создания настоящей семьи. Сможет ли необычная девушка... враг, изменить мнение одного из них? Но вдруг все окажется намного сложнее, чем казалось на первый взгляд? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	36
Глава 4	50
Глава 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Кира Уайт

Идеальная Изменённая

Пролог

Так, кажется, кто-то вчера перебрал. И все было бы отлично, если бы этим кем-то была не я. Лежу, но все равно испытываю легкое головокружение и зачатки головной боли, а в горле пересохло так, будто я неделю не пила. И я сейчас не про алкоголь.

Пить... как же хочется пить.

Кровать подо мной настолько жесткая и неудобная, что болит все тело. С теплом вспоминаю свою родную кровать с удобным матрасом и понимаю одно – я не дома. Но где же я тогда? Ничего не понимаю, почему я не дома? Пытаюсь вспомнить, как уходила из клуба и куда отправилась потом, но... не помню. Ладно, это меньшая из моих проблем. Во-первых, нужно встать с ужасно неудобного спального места, а во-вторых, поскорее найти воды, иначе эта жажда меня доконает. Еще надо бы раздобыть аспирин, потому что головная боль, кажется, с каждым мгновением становится только сильнее.

Наконец открываю глаза. Что еще за черт? Почему так темно? Даже шторы с эффектом блэк-аут не дают такого эф-

фекта. Вообще ничего не вижу. Пытаюсь поднять руку, но больно ударяюсь ею обо что-то твердое.

– Ай, – вскрикиваю невольно.

Не поняла. Звук какой-то приглушенный, будто я нахожусь в закрытом пространстве. В горле пересыхает еще сильнее, а сердце отбивает чечетку. Пытаюсь успокоиться, уверена, паниковать рано.

Начинаю ощупывать пространство вокруг себя. Сначала движения медленные, но чем дальше, тем лихорадочнее они становятся. Уже через несколько секунд прихожу к неутешительным выводам. Похоже, я в закрытом ящике. Дыхание перехватывает, стараюсь отогнать нарастающую панику, но у меня это получается очень плохо, точнее почти совсем не получается. Почему я в ящике? А главное, как я здесь оказалась? Кто-то решил меня разыграть столь странным способом? Но кто и для чего?

Дышу настолько часто, что чувствую, насколько горячо дыхание, хрипом вырывающееся из горла. Перед глазами мелькает картинка, как меня кладут в гроб и заколачивают крышку. Боже, нет! Я ведь не могу быть в гробу? У меня нет таких друзей, которые посчитали бы такой розыгрыш забавным. Чувствую, как в горле образуется комок, а обжигающие слезы накатывают на глаза и готовятся неудержимым потоком прорвать плотину. Но мне нельзя плакать, иначе я впаду в истерику, из которой никогда не выберусь.

Нестерпимая жажда, мучившая меня всего минуту назад,

забыта. Сейчас в приоритете кое-что поважнее.

– Эй, что происходит? – голос дрожит и звучит глухо, несмотря на старания держать себя в руках, слышу в нем нотки паники. – Это не смешно! Вытащите меня отсюда! Эй, меня кто-нибудь слышит?

В ответ тишина. Гробовая... И это не способствует успокоению.

Пытаюсь собраться с мыслями и отдышаться, чтобы привести голову в порядок.

Глубокий вдох. И протяжный выдох.

Еще раз. И еще.

Не помогает.

Надо отогнать панику и и все обдумать. Но проще подумать, чем сделать. Скорее всего все не так страшно, как могло показаться. Несколько раз стучу по деревянной крышке и зову людей снаружи на помощь. Воображение рисует стоящих рядом с ящиком людей, умирающих от смеха, и во мне поднимается такая ярость, что паника отступает на последний план.

– Открывайте, черт возьми! – ору что есть сил и бью ладонью по крышке.

Когда никто не отвечает, провожу трясущейся рукой по лицу и понимаю, что мне становится трудно дышать. И это вовсе не потому, что я устроила тут приступ истерики, точнее, не только из-за этого. Скорее всего ящик герметичен, и в него не поступают новые порции кислорода. От этой догад-

ки легче мне не становится. Надо что-то делать, иначе очень скоро здесь закончится кислород, и я могу умереть. В глубине души надеюсь, что шутник одумается и вытащит меня отсюда, но сейчас я могу положиться только на себя.

Внезапно до меня доходит, что зрение привыкло к темноте, которая сейчас вовсе не кажется кромешной. Я вдруг понимаю, что вижу очертания своих рук и ног. Но ведь этого просто не может быть! Невозможно! Я в темном закрытом пространстве, в которое извне не поступает свет. Как я вообще могу что-то видеть?

Поднимаю руку и упираюсь в поверхность прямо напротив лица. На ощупь чувствую мягкую ткань, но под ней что-то твёрдое. И у меня уже нет сомнений, что это деревянная крышка гроба. Без всяких преувеличений принимаю решение, как только выберусь, избить как можно сильнее того, кто засунул меня сюда. Кто бы это ни был.

Последнее, что я помню, это как моя подруга Клэр потащила меня на дурацкое двойное свидание, на которое я и пошла-то только ради нее. Но все прошло намного лучше, чем я могла ожидать. Мы сидели в кафешке с довольно милыми парнями, Алексом и Коулом, затем отправились в клуб, потому что кому-то приспичило потанцевать. И это была не я. Но вопреки моим ожиданиям, было весело. Я немного выпила, а дальше...

Ни-че-го. Вообще ничего не помню. Но сейчас важно не это.

Продолжаю ощупывать крышку надо мной. Цепляюсь ногтем за ткань, и, к моему удивлению, она с легкостью рвется. Что за черт? У меня ведь не острые когти, как я могла порвать ткань? Слегка давлю на крышку, толкая ее вверх. Доски уже не кажутся такими твердыми, какими казались изначально. Стоит только надавить посильнее, и слышится треск. Замираю, не веря, что все это происходит на самом деле. Решаю попробовать снова. Толкаю чуть сильнее, пока между досками не образуется крохотная щель. Сквозь нее мне на лицо падает влажная земля. Фу...

– Обязательно надо было ломать крышку прямо над лицом, тупица? – в темноте мой голос звучит наполовину испуганно, наполовину взволнованно.

Что происходит? Я могу сломать крышку и выбраться?! От возбуждения начинаю дышать все чаще и чаще, такими темпами мне скоро не хватит воздуха. Надо выбираться. И чем скорее, тем лучше!

Поддавшись нетерпению, начинаю лихорадочно ломать доски над головой. Они без труда поддаются напору, такое ощущение, что это и не доски вовсе, а картон, судя по тому с какой легкостью я их ломаю. Но чем шире становится дыра в крышке, тем больше на меня падает земли. Скоро меня тут завалит!

Про то, что я действительно оказалась в гробу, да еще и под землей, стараюсь не думать.

Вскоре отверстие становится довольно широким, и я могу

сквозь него пролезть. От нервного перевозбуждения все тело трясет, но я не останавливаюсь ни на секунду. Ощущение нереальности происходящего с силой врзается в мозг, но я отодвигаю его на второй план. Сейчас главное – выбраться! Приходится задержать дыхание, чтобы земля не забивалась в рот и нос, и закрыть глаза, по понятным причинам. Справляться с землей оказывается намного легче, чем я думала. Такое ощущение, будто это не земля, а вата, настолько легко она убирается с моей дороги.

И вот, спустя несколько минут, я уже чувствую ветер кончиками пальцев. Отбрасываю последнюю землю со своего пути и оказываюсь на поверхности. Без сил валюсь на холодную земную поверхность и дышу, словно утопающий, только что спасенный из глубин океана. Постепенно восстанавливаю дыхание. Чувствую прохладу, шорох опадающих листьев и запах свежести. Делаю еще один глубокий вдох и открываю глаза.

Сейчас ночь, но я вижу очень четко... кресты и надгробия. Дыхание спирает, озираюсь по сторонам, не в силах поверить в происходящее. А в голове мелькает только одно: "Не может быть! Этого просто не может быть!".

Но реальность такова, что я действительно сейчас на кладбище.

С трудом сажусь, опираясь спиной на надгробие, с меня валится земля, должно быть вид у меня еще тот. Но мне наплевать на это. Что происходит? Почему меня похоронили

заживо, а главное, как я смогла выбраться на поверхность без посторонней помощи? Вопросов миллион, но нет ни одного ответа. Смотрю на звездное небо, луны на котором не видно, и пытаюсь стряхнуть землю с волос. Они заплетены в две тугие косы, как у восьмиклассницы. Не удерживаюсь и закатываю глаза. Мама...

И тут же хмурюсь. Какого черта? С чего бы моим родителям хоронить меня? Они думали, что я мертва? Но почему тогда я очень даже жива? Поворачиваю голову и смотрю на надгробие. Сердце пропускает удар, к глазам снова подступают слезы. Теперь нет никаких сомнений, что это именно моя могила.

Надпись на надгробной плите четко дает это понять:

“Здесь покоится горячо любимая дочь и сестра, покинувшая нас слишком рано.

Ханна Беннет.

7.03.1999 – 15.10.2019”

Мне становится дурно. Зажимаю рот ладонью, ощущая, как к горлу подкатывает тошнота. Хочется орать! И узнать ответ на главный вопрос. Какого хрена вообще происходит? Я готова разрыдаться, но вдруг улавливаю какой-то едва слышный шорох справа от себя.

Не успеваю повернуть голову, как случается сразу две вещи. Увы, обе не сулят мне ничего хорошего.

Первое, меня клонит вперед какая-то неведомая сила, и когда я опускаю взгляд, то в ужасе вижу небольшое копые.

Копье? Оно торчит прямо из моей груди немногим правее от того места, где должно находиться сердце.

В голове проносятся сразу две мысли: "Почему я мгновенно не умерла?" и "Мне конец".

В момент, когда я поднимаю руки к груди и берусь за окровавленный наконечник, кто бы мог подумать – копьё, происходит второе *потрясающее* событие.

Висок пронзает резкая боль.

Какого?..

Я проваливаюсь в темноту.

Глава 1

Голова раскалывается. Слышу слабый стон и не сразу понимаю, что он принадлежит мне. Лежу на чем-то твердом в совершенно неудобной позе. Что происходит?

Чувствую легкий запах дыма и... крови? Какого черта? Где я?

И тут... воспоминания обрушиваются, словно водопад, и давят на меня с такой силой, что становится нечем дышать.

С огромным трудом поднимаю руку к груди. Что за?..

Мне же это не приснилось? Копье в моей груди. Его нет. На его месте дыра в платье и гладкая кожа, слегка испачканная кровью.

Этого. Не. Может. Быть.

Сердце заходится в бешеных ударах, дыхание учащается, все тело напряжено. Я не знаю где нахожусь, но знаю одно – здесь у меня нет друзей.

Не без труда мне удастся разлепить веки. О боже... Этого еще мне не хватало! Сначала я очнулась в гробу, а теперь... в клетке. Как дикое животное! Это открытие не способствует моему успокоению, стискиваю зубы, чтобы не заорать от досады и бессилия. Хочется взвыть подобно зверю, запертому в клетке, ведь я сейчас не понаслышке знаю, каково приходится несчастным существам. И я закричала бы, если бы не головная боль и, будь она неладна, жажда! В горле совсем

пересохло.

Осторожно осматриваюсь по сторонам. Слева стоит такая же клетка, как моя. Ну вот, уже присвоила себе клетку. Идиотизм. Это все нервы.

В соседней клетке тоже кто-то есть. А точнее, девушка, и вряд ли она старше меня. Она сидит, прислонившись к прутьям дальней от меня стенки, и обнимает колени. Длинные светлые волосы скрывают лицо незнакомки.

Решаю пока оставить соседку в покое и осмотреться. Вдруг случится чудо, и я найду отсюда выход? Клетки стоят у стены в темной комнате, с каменными стенами и высоким потолком, напротив – единственное окно, за которым я вижу, что на улице до сих пор ночь. Примерно в метре от клетки моей соседки вижу дверь, похоже, именно через нее меня сюда притащили, ведь других дверей я не наблюдаю. Напротив входа высокое зеркало. Кроме двух клеток, в комнате стоит стол, пара стульев, чуть правее от стола камин, в котором горит слабый огонь. Так вот откуда запах дыма. Комната не настолько большая, чтобы иметь камин. Хотя... что я понимаю? Меня ведь закрыли в клетке! Ублюдки! Я снова начинаю злиться, никогда раньше не замечала за собой привычки впадать в ярость. Но чуть ранее сегодня это спасло меня, помогло выбраться из гроба. Может и сейчас поможет? Смотрю на соседку, которая по-прежнему не обращает на меня внимания, берусь за тонкие железные прутья и толкаю их, что есть сил. С гробом сработало, может, и сейчас

получится. Но в этот раз у меня ничего не выходит, и я бросаю бесполезные попытки вырваться из заточения. Продолжаю осматривать комнату.

Над камином висит арбалет, и, надо же, мини-копье... Да не одно.

Надо как-то выбираться из этой дыры! Вот только как? Я до сих пор не могу понять ничего из происходящего! Хочется кричать и ругаться матом! Но вместо этого я подползаю к решетке, чтобы оказаться чуть ближе к моей подруге по несчастью.

– Эй? – тихо зову свою соседку, ведь кроме нас в комнате никого нет. – Слышишь меня?

Она так резко вскидывает голову и открывает глаза, что я невольно отшатываюсь и с трудом сдерживаю крик.

Что за хрень? У нее черные глаза! Причем зрачок вообще неразличим. Как такое возможно? Вот же... голова совсем не соображает. Это же линзы. Станные, не видела раньше такие.

Пока я пытаюсь успокоить дыхание, девушка рассматривает меня, склонив голову набок.

Ее губы растягиваются в недоброй улыбке, которая больше похожа на оскал. Ну вот, похоже, подружиться не получится. И как прикажете выбираться отсюда без помощи и в одиночку?!

– Наконец-то! – ого, голос у нее как у девочки-подростка. Злойной девочки-подростка. – Сильно тебя приложили, дол-

го ты провалялась! Думала, уже не очнешься. Хотя, такого прежде не случалось, но ты выглядишь слабовато.

Эта тирада заставляет меня опешить. Несколько раз моргаю, не зная, что предпринять дальше. Общаться с этой девушкой как-то расхотелось. Но мне нужны ответы. Поэтому я не могу просто промолчать. А если кто-то ведет себя со мной как злобная стерва, то в ответ этот кто-то получает не менее злобную стерву!

– Спасибо, очень приятно слышать! – с сарказмом говорю я. – Можешь хотя бы объяснить, какого черта тут вообще творится? Кто нас сюда посадил и за что? Давно ты тут сидишь? И есть ли возможность сбежать?

– Ооо, да ты такая же, как остальные, – тупая дура! И вопросы у тебя такие же! Ту-пы-е! – с насмешкой говорит она.

Так, ну это уже ни в какие ворота не лезет! Что за злобная мегера? И даже нахождение в клетке не оправдывает такого поведения! Постойте. Так её, наверное, за это сюда и посадили. Тогда почему я здесь?

Вопросов становится только больше, а ответов по-прежнему ноль!

– Что ты несешь? – начинаю я шепотом, наполненным звенящей яростью. – Каких еще вопросов ты от меня ожида...

– Тихо! – шипит она, как дикая кошка. – Слышишь? Они идут! – девушка забивается в угол своей клетки и сворачивается в клубок так, что уменьшается в размерах почти в два раза. Мистика какая-то.

Пару мгновений смотрю на соседку, но понимаю, что сейчас я от нее ничего не добьюсь. Вместо этого прислушиваюсь и, действительно, слышу приближающиеся голоса и шаги. Напрягаюсь и подбираюсь всем телом, внутренне готовясь к обороне.

Дверь открывается, входят два человека. Мужчины. Оба высокие коротко стриженные брюнеты. Один направляется прямым ходом к столу, не обращая на нас никакого внимания, второй – к моей клетке.

– О, посмотри, маленькая землеройка пришла в себя! – улыбаясь от уха до уха, жизнерадостным голосом объявляет он. – Ну ты только глянь на неё! Мышь, она и есть мышь!

Застываю от шока. Мало того, что меня чуть не убили, заперли в клетке, словно животное, так еще и оскорбляют. Разумная часть меня требует, чтобы я молчала, но другая – импульсивная не может держать рот на замке.

– Смотрите, да тут у нас облезлый помойный кот! – комментирую с той же интонацией, что и он.

Видимо, раньше ему никогда не давали словесного отпора, так как мужчина тут же меняется в лице. Он больше не улыбается, а только злобно сверкает на меня глазами. Замечаю, что его глаза похожи на мои, только мои темнее, а у него радужка светлая ближе к середине, а по краю темная. Красиво.

Так, о чем это я? Шутник разозлился, а я же только довольно улыбаюсь, хотя чувствую, что веселье продлится

недолго. Из-за моей улыбки мужчина начинает сильнее закипать от ярости, я понимаю это по его стиснутым зубам и ходящим желвакам, кулаки тоже крепко сжаты. Борюсь с желанием отползти вглубь клетки подальше от него, но остаюсь на месте. Нельзя показывать, насколько мне на самом деле страшно.

– Следи за языком, мышь, иначе, я накормлю тебя мылом! – сквозь зубы говорит злой как черт мужчина.

– Маркус, достаточно! Нам многое нужно успеть, на твои игры сегодня нет времени! – говорит второй и подходит к моей клетке. Сразу видно, что он главный, держится невозмутимо и уверенно. Ставит стул, садится, смотрит мне в глаза и говорит: – Давай мы не будем затягивать этот разговор, я спрашиваю, ты отвечаешь, без отклонений. Договорились?

Вау, вот это харизма. Ему бы в актеры податься, так и хочется одарить его аплодисментами и сказать: "Верю", но вместо этого я говорю:

– Нет проблем. Но у меня тоже есть пара условий.

В ответ он просто выгибает бровь и кивает, поощряя меня. Отлично. Для начала нужно разобраться с проклятой жаждой.

– Во-первых, можно мне воды? А во-вторых, у меня тоже есть вопросы, на которые я хочу получить ответы.

Главный кивает и, не сводя с меня взгляда, просит у своего все еще злого друга:

– Маркус, принеси девушке воды. Над вторым пунктом я

подумаю. Все будет зависеть от того, как ты будешь отвечать на наши вопросы.

Маркус выглядит не очень довольным своим поручением, он поджимает губы, но без споров приносит мне бутылку с водой. Ставит ее перед решеткой. Наконец-то! Я хватаю ее, торопливо открываю и за раз выпиваю сразу половину. Киваю главарю в знак того, что готова отвечать на его вопросы. Он начинает незамедлительно:

– Для начала давай познакомимся. Меня зовут Джон. Могу я узнать твое имя?

Так, ну это легкий вопрос.

– Меня зовут Ханна, – говорю я, не сводя с него настороженный взгляд.

– Хорошо, Ханна, кто привел тебя в "Равенство"?

Второй вопрос вообще непонятен. Поэтому я хмурю брови и удивленно спрашиваю:

– Куда?

– Ну вот, началось! – не выдерживает Маркус, и я перевожу на него взгляд. Мужчина складывает на груди руки и презрительно смотрит на меня, а потом ненадолго переводит взгляд на Джона. – Не притворяйся, что не понимаешь, о чем идет речь! Мы все знаем про вашу секту!

Уже не в первый раз за короткое время у меня пропадает дар речи. Какая секта? Они меня с кем-то перепутали, однозначно. Поэтому я говорю как можно искреннее и спокойнее, но до конца справиться с волнением не удастся.

– Честное слово, я не понимаю, о чем вы говорите! Спросите, что-нибудь попроще!

Разговор продолжает Джон.

– Хорошо. Скажи тогда, кто дал тебе сыворотку "V"? Как давно был разработан тот вариант сыворотки, который тебе дали? И кто должен был встретить тебя на кладбище? – главарь выглядит по-прежнему спокойно, в отличие от Маркуса. Но он, похоже, та еще истеричка.

– Я не знаю, о чем вы говорите! – начинаю закипать я. – Сначала я очнулась в гробу, потом меня... чуть не убили, как только я выбралась. Затем очнулась в клетке. Почему я вообще жива? Кто вы? Что со мной происходит? Какая сыворотка? Что за секта? – вопросы льются из меня неудержимым потоком, и я бы не остановилась никогда, если бы не главарь, который все тем же спокойным голосом перебивает:

– Достаточно. Ханна, давай проясним ситуацию. Ты не знаешь, как оказалась в гробу?

– Нет! – срываюсь на крик.

– Хорошо, это мы поняли. Расскажи тогда, как тебе удалось выбраться из гроба? Откуда взялись *силы*? – он вопросительно поднимает брови, словно ожидает от меня признание века. Но я не могу дать ему ничего подобного.

– *Силы*? – с той же интонацией, что и он, спрашиваю я. – Да это же адреналин чистой воды! Ну не может человек в нормальном состоянии сломать крышку гроба и проползти под землей два метра до поверхности! Вы когда-нибудь про-

сыпались в гробу? – от скорости начинаю задыхаться. Чтобы успокоиться, делаю еще глоток воды.

Как только главарь открывает рот, вероятно, собираясь задать очередной вопрос, дверь распахивается. Входят еще пятеро мужчин, я бы даже сказала – парней. Они выглядят довольно молодо, один так вообще, будто недавно вышел из подросткового возраста. Все высокие, с короткими стрижками. Трое из них блондины разных оттенков, один с медными волосами, почти рыжий, самый молодой – брюнет. Так и хочется спросить: на какой распродаже высоких парней их подобрали? Нет, ну правда, никогда не видела столько высоких людей в одном месте, если это, конечно, не сборная по баскетболу. Но я молчу, оглядывая их испуганно-любопытным взглядом. Один из них – блондин – очень злится!

– Джон, какого черта? – вопрошает он, останавливаясь возле клетки моей соседки. – Почему вы начали без меня? Это я ее сюда принес! Что она вам уже рассказала?

Изумленно моргаю. Так вот, значит, как выглядит мистер "стреляю в спину и бью тяжелым по голове". Кстати, рана на голове, ее тоже нет, но волосы слиплись от запекшейся крови, вот откуда тот запах, что я почувствовала после пробуждения.

Я снова начинаю злиться. А еще меня бесит, что этот тип говорит обо мне так, будто я неодушевленный предмет.

Сдерживаюсь, как могу, но импульсивная часть меня снова берет верх над разумной, и я ору:

– Ты – больной ублюдок! Ты ведь мог убить меня! Кто вообще так делает?

Все замирают. На лицах написаны разные эмоции: от недоверия до полного шока. Мой "убийца" смотрит на меня с раздражением, будто удивляется, что я вообще посмела открыть рот. И только Джон остается невозмутимым, а Маркус улыбается, видимо, рад, что я переключила свои нападки на другого. Кретин.

– Давайте все успокоимся, – призывает главарь, и я раздраженно закрываю глаза. Этот мистер Спокойствие начинает меня бесить. – Надо прояснить эту ситуацию до конца. Ханна, ты же не думаешь, что мы поверим, что ты ничего не знаешь?!

Взгляды всех собравшихся направлены на меня, но я смотрю только на Джона. Прямо в глаза.

– Да мне плевать, верите вы мне или нет! Я все равно сижу в клетке. И что бы я ни сказала, вы все равно не поверите! Повторяю последний раз! Я ни-че-го не знаю! Очнулась в гробу, потом здесь. На этом все!

Складываю руки на груди и с вызовом смотрю на каждого по очереди.

Эта ситуация выводит меня из себя. Я в меньшинстве, а это не способствует спокойствию. Сейчас мне хочется только одного – закрыть глаза, открыть их и проснуться, потому что все происходящее больше похоже на бред сумасшедшего, чем на реальность.

– Что последнее помнишь? – спокойно спрашивает ублюдок, который в меня стрелял.

Я злобно смотрю на него, но решаю ответить, все равно это ничего не изменит:

– Ходила в клуб с подружкой и ее приятелями. Немного выпила, но не так, чтобы отшибло память. Проснулась в гробу, дальше вы в курсе.

Смотрю ему прямо в глаза, он тоже не отводит внимательного ответного взгляда.

– Сыворотку тебе вкололи в клубе? Или до него? – деловито спрашивает парень.

Изумленно смотрю на него. Доя полного образа, ему не хватает только блокнота для записей.

Повторяю то, что уже говорила сегодня. Понимаю, что меня это порядком достало.

– О какой сыворотке речь? – перевожу дыхание и заканчиваю. – Мне никто ничего не вкалывал! Я бы запомнила это!

– "Равенство" становится небрежным, – говорит вдруг рыжий, ни к кому конкретно не обращаясь. – Если она, конечно, не врет, ей даже ничего не объяснили. Про побочные эффекты тоже вряд ли рассказали.

Голова начинает болеть еще сильнее и я едва сдерживаюсь, чтобы не помассировать виски.

Побочные эффекты? Что еще за побочные эффекты? Что вообще происходит? Что со мной сделали? Почему вообще

выбрали меня? Вопросы, вопросы, вопросы. Они уже не помещаются в копилку с вопросами. Тогда как копилка ответов до сих пор пуста.

Джон встает и убирает стул обратно к столу. В комнате не протолкнуться, мужчины заняли все места своими большими телами.

– Макс, Рид, принесите зеркало. Пусть посмотрит на себя, может, после этого станет сговорчивее, – обращается главарь к парням.

Двое из них – самый молодой брюнет и блондин с белыми волосами, вряд ли это натуральный цвет, снимают зеркало с креплений на стене и несут к моей клетке, остальные расступаются перед ними.

Ничего не понимаю, зачем мне зеркало? У меня что, выросли рога? С трудом подавляю желание поднять руки и проверить.

Зеркало выглядит тяжелым, но эти двое без труда поднимают его и доставляют ко мне. Ставят напротив моей клетки, и я в ужасе замираю, когда смотрю на себя.

Каштановые волосы, заплетенные в косы, растрепались. На правом виске кровь. Я вся в земле, лицо и руки грязные. Синее платье, в котором меня похоронили, тоже грязное, к тому же, оно порвано в нескольких местах. Но самое главное – глаза. Они больше не серые. Радужка полностью черная, как у девушки в соседней клетке.

Глава 2

Ночь подходит к концу, я вижу первые предрассветные краски за окном, но сна у меня так и не было ни в одном глазу. Клетка достаточно просторная, но лечь и вытянуть ноги никак нельзя. Поэтому, я лежу на полу, закинув ноги на решетку, и смотрю в потолок. Думаю, думаю и еще раз думаю. С каждой минутой на душе становится только тяжелее и горше от того, во что в одночасье превратилась моя жизнь.

После того как я увидела свое отражение, то не сказала удерживающим меня людям ни слова, села в угол и просто перестала отвечать на вопросы. Некоторые из них отреагировали спокойно, другие – разозлились. Но мне было наплевать! Мне нужно было подумать. И что-то сделать с нарастающей паникой, взять себя в руки в конце концов.

Какого черта со мной сделали? И, главное, кто это сделал? Можно ли как-то это исправить? Ясно одно, сидя в клетке, я ничего не смогу предпринять. Мои надзиратели вряд ли мне помогут и на вопросы отвечать не станут. Я ведь на их вопросы не отвечаю. Но со мной все ясно, я ничего не знаю, а следовательно, просто-напросто не смогу ничего им рассказать. Сейчас я хочу разобраться в происходящем даже больше, чем эти люди.

Они говорили про какую-то сыворотку. Видимо, она и повлекла за собой изменения в моем организме. Изменились

не только глаза. Я видела в крошечной темноте. Острее, чем раньше, чувствую запахи. Но главное не это. У меня появилась невероятная *сила*. Вряд ли человек даже на адреналине способен сломать крышку гроба, находясь внутри него. Отрицать это просто неразумно. Какие эмоции я испытываю по этому поводу? Да никаких. Сейчас мне абсолютно все равно на все. Мне паршиво. И страшно. И я хочу домой.

Так, было еще что-то про побочные эффекты. От этих мыслей голова начинает болеть все сильнее и сильнее. Что же делать?

Есть один вариант. Но он мне не нравится. Надо как-то разговорить эту злобную мегеру, сидящую в соседней клетке. Я уверена, что она не спит. Если у нее такие же глаза, как у меня, значит она должна знать хоть что-то. Тем более, есть большая вероятность того, что сидит она здесь давно. А это плохо. Значит, сбежать будет проблематично. Она ведь не сбежала.

Мужчины разошлись спустя полчаса после того как поняли, что ничего от меня сегодня не добьются. Остался только Джон, он сел за стол, открыл ноутбук и начал быстро клацать по кнопкам. Прошла пара часов, и вот, полчаса назад ушел и главварь, не сказав ни слова и даже не посмотрев в моем направлении.

Больше не вижу смысла ждать. Плавнo сажусь, потягиваюсь, ведь все тело одеревенело от лежания в одной позе, и поворачиваюсь к соседке. Она внимательно смотрит на ме-

ня. Смотреть в эти глаза довольно жутко, особенно когда знаешь, что это не линзы и что мои ничем от них не отличаются.

– Что, снова будешь сыпать глупыми вопросами? – с криковой ухмылкой спрашивает она.

– А что мне остается? – отвечаю я, слегка поведя плечами. – Послушай, ты единственная, кто может ответить на мои вопросы, так что давай отодвинем злобу подальше и поговорим как нормальные люди? Ты ответишь на мои вопросы, а я взамен... А что ты хочешь взамен?

Только тут понимаю, что с этим вообще-то могут быть проблемы, ведь очевидно, что я ничего не могу ей предложить. Не в нынешнем положении.

– Ты ничего не сможешь мне дать, пока сидишь в клетке, – будто прочитав мои мысли, говорит девушка. Выглядит она при этом расслабленной и умиротворенной. Как вообще можно выглядеть ТАК в данных условиях? Соседка продолжает: – Но мне скучно, и я не против немного поболтать.

Ну вот, может же нормально разговаривать, когда не строит из себя не пойми кого!

– Как тебя зовут? И как давно ты здесь? – спрашиваю первое, что приходит на ум, решая, что неплохо бы для начала познакомиться.

– Меня зовут Аманда, и я здесь уже полгода, – шокирует меня соседка, так что дыхание перехватывает. – Не делай круглые глаза, я не всегда сидела в клетке. Меня посадили

сюда вчера в наказание за попытку побега. А так у меня своя спальня в лаборатории Эйдена, она тоже закрывается на замок, но все-таки лучше, чем клетка.

– Лаборатория? Почему ты живешь в лаборатории? И кто такой этот Эйден? – я иду совсем по другому пути, а не по тому, который намечала изначально.

Плевать, важна любая информация. Почему она говорит, что живет в лаборатории, так, будто там пятизвездочный отель?

– Эйден, он ну, типа, местный доктор. Он разрабатывает лекарство против сыворотки "V", оно же помогает справляться с побочками. Но пока у него не очень получается, его пилюли помогают от побочных эффектов, но вылечить полностью не в состоянии, – последнее она произносит с едва заметной ноткой печали в голосе.

И снова эта загадочная сыворотка "V" и побочные эффекты. Что это вообще такое? И как я ввязалась во все это?

– Подожди, я не понимаю, о чем ты говоришь, – пытаюсь получить хоть какую-то дополнительную информацию, вдруг это поможет вспомнить хоть что-то. – Расскажи, пожалуйста, подробнее, что за сыворотка?

– "V" – это такая дрянь, которую создали, чтобы наштамповать сверхлюдей, но что-то вышло из-под контроля, и если первые подопытные просто умирали, то последующие стали быстрыми, сильными, но все это длилось недолго. Когда эффект проходил, некоторые умирали, другие мучились от по-

бочек: головные боли, кровотечения из носа, ушей и глаз, отказ ног, или полный паралич. Ученые из "Равенства" пытаются разработать вариант сыворотки, которая сделает из обычных людей сверхлюдей навсегда. Пока безрезультатно.

Твою же... Как я могла в это ввязаться?! Добровольно точно бы не пошла! А значит, меня опоили и вкололи эту дрянь! Головная боль уже присутствует, чего же ожидать дальше? Каких побочных эффектов? Тело сковывает страх, но я не подаю вида, продолжая:

– Это просто жуть! А как ты стала такой?

– Добровольно, – небрежно сообщает Аманда и отводит глаза.

– Что? – ну точно, она – чокнутая! Кто пойдет на это добровольно?

– У меня были на это свои причины. – невесело улыбается она. – Еще вопросы?

В голове каша, но надо пользоваться ситуацией, пока это возможно, поэтому задаю следующий вопрос:

– Где мы? – хочу хотя бы примерно знать, далеко ли я от родного города. – И почему в клетках?

– Это штаб-квартира Братства, – исчерпывающе, но опять же, ничего не дает. – Они призваны уничтожать все противоестественное, но у них есть Эйден, который частенько тащит сюда таких, как мы, и пытается вылечить. Мне его пилюли помогают... до поры, до времени. А вот остальным... В общем, никто больше не выжил. Давно не было новеньких,

и вот, вчера он притащил тебя.

– Что? Так Эйден и есть тот, кто меня чуть убил на кладбище? – вспоминаю раздраженного блондинистого парня.

Значит, это и есть Эйден.

– Ну не убил же? – со смешком говорит она. – Он просто вырубил тебя, думаю, добровольно ты вряд ли бы с ним пошла. А теперь жди, он будет пичкать тебя пилюлями и спасать чисто по доброте душевной.

– Вырубил? Да он бросил в меня копье! И ударил чем-то в висок! Видишь? Это кровь! – я показываю ей на свою окровавленную голову, моему возмущению нет предела.

Мне все равно, что в перспективе, возможно, он меня спасет. А если нет... не хочу об этом думать.

– Да, но все уже зажило, – снисходительно говорит Аманда, словно общаясь с неразумным ребенком. – И если бы ты не знала, что эти раны были, то уже и не помнила бы о них. Это все "V", ускоренная регенерация – ее главный плюс.

Хмыкаю. Плевала я на все плюсы, которые дает гребаная "V", в голову лезут только минусы.

Не успеваю задать следующий вопрос, как открывается дверь, и входит тот самый Эйден и рыжий парень. Рыжий, улыбаясь, подходит к клетке Аманды и веселым голосом вопрошает:

– Ну, как ты тут? Готова вернуться в свою комнату? Больше не будешь буянить? – смотрю на него во все глаза. Он так легко с ней общается, будто она не пленница, а его подружка.

Аманда лишь презрительно на него смотрит и показывает ему неприличный жест. От чего улыбка парня становится только шире.

– Значит, готова, – он открывает клетку, протягивает ей руку. И, о чудо, девушка ее принимает, встает и уходит с ним, не говоря ни слова и ни разу не обернувшись в мою сторону.

Я не сразу замечаю, что Эйден остановился возле моей клетки и внимательно смотрит на меня. Встречаюсь с ним взглядом и ожидаю чего угодно, но только не следующих слов.

– Ханна, если пообещаешь хорошо себя вести и не делать никаких глупостей, я выпущу тебя из клетки, провожу в туалет и разрешу сходить в душ. Думаю, тебе не очень приятно быть покрытой грязью.

С удивлением смотрю на него, не веря в добрые намерения человека, чуть не убившего меня, а потом закрывшего в клетке.

Но что есть, того не отнять. Я действительно грязная. Давлю на корню язвительные слова, вертящиеся на языке, и они так и остаются невысказанными. Какой смысл сопротивляться? Я киваю и говорю:

– Хорошо.

Тут в комнату входит самый молодой брюнет и еще один блондинчик, не белоснежный, а другой. Этот – молчун. От него я вообще не слышала ни единого слова за все время.

– Чтобы не было проблем Рид и Дэн вместе со мной будут сопровождать тебя. Знай, что даже с твоей новой силой, мы вдвоем будем сильнее тебя, так что даже не думай сопротивляться, – спокойно, без угрозы сообщает Эйден.

Как врач непослушному пациенту.

– Хорошо, – снова повторяю я.

И это правда, я не собираюсь оказывать сопротивление. Не вижу смысла. Сначала нужно изучить обстановку.

Парни переглядываются, потом Эйден кивает и достает из кармана ключ. Остальные выглядят слегка напряженными, пока Эйден открывает клетку. Молчун Дэн, а я уверена, что Дэн именно он, потому что впервые услышала его имя, подает мне руку. И я без разговоров принимаю ее. Мы направляемся к двери. Молодой Рид идет впереди, а Дэн и Эйден слева и справа от меня, каждый держит меня за предплечье, не грубо, но и слабым такой захват не назовешь. Чувствую себя заключенным, которого ведут на казнь. А еще мне хочется нервно рассмеяться. Трое крепких парней опасаются мелкой девчонки.

За дверью оказывается длинный коридор с множеством дверей. Из одной из них выходят Джон и рыжий. Когда мы подходим поближе, Эйден говорит:

– Кай, верни ключи от лаборатории.

Рыжий без разговоров протягивает небольшую связку ключей.

Проходим мимо, Кай и главарь провожают нас взглядами,

но больше никто не говорит ни слова. Примерно посередине коридора останавливаемся, Рид открывает дверь, и мы входим в какое-то помещение.

Это оказывается просторная спальня с огромной кроватью, большим шкафом, книжным шкафом поменьше, столом, на котором царит идеальный порядок, и небольшим диваном. Широкое окно плотно закрыто тяжелыми шторами. Слева от окна открытая дверь в ванную. Если я буду жить в этой спальне, то я не против. Хотя не стоит питать особых иллюзий по этому поводу. Я буду рада, если меня не запрут обратно в клетке. Согласна даже на лабораторию.

– Мы подождем здесь, у тебя пятнадцать минут. Сменную одежду найдешь внутри, – говорит мне Эйден, жестом приглашает пройти в ванную и отпускает предплечье.

Настойчиво тяну вторую руку из захвата Дэна, и он нехотя отпускает меня.

– Только давай без глупостей! – говорит Рид, и я уже готова закатить глаза и фыркнуть, но все же молча прохожу мимо, даже не удостоив его взглядом, и закрываю за собой дверь.

Ванная комната небольших размеров. И в ней нет никакой ванны. Имеются душевая кабина, унитаз, раковина, небольшая корзина для мусора и побольше для грязного белья, а также узкий шкаф для полотенец. На одной из полок замечаю аккуратно сложенную стопку одежды.

Пятнадцать минут. Это не так уж и много. Быстро срываю

с себя всю одежду, секунду раздумывая, стоя над двумя корзинами, а потом без сожалений отправляю вещи в мусорку. Даже если бы платье можно было восстановить, я ни за что не надела бы его снова. Слишком много негативных воспоминаний. Воспользовавшись унитазом, отправляюсь в душ. Включаю настолько горячую воду, какую в состоянии вытерпеть. Быстро расплетаю косы и беру шампунь. Есть время подумать. У меня есть прекрасная возможность побыть наедине со своими мыслями, только веселого в них мало.

Итак, мы имеем какое-то Братство, которое держит меня в плену. Главарь у них самый старший, судя по виду, но не старше тридцати. Это Джон. Истеричка, которая любит обзывать – Маркус, этого сложно не запомнить. Мой "почти убийца" и местный доктор – Эйден. Молчун – Дэн. Молодой – Рид. Рыжий – Кай. И белоснежный блондин – Макс. Спасибо за то, что кратковременная память стала работать лучше. Обитателей этого дома я запомнила без труда.

Но справиться с ними будет сложно. Хотя у меня сейчас есть какая-то сила. Да и умом я не обделена, надо подумать. Надо хорошо подумать. Я обязана выбраться отсюда и выяснить, кто сделал меня такой!

Но как выбраться так, чтобы меня не убили уже по-настоящему? Да и судя по тому, что сказала Аманда, меня будут пичкать пилюлями, без которых я долго не протяну.

Надо как-то втереться к ним в доверие, притвориться кроткой овечкой, выполнять все, что они скажут, а заодно

разузнать, где выход из этой дыры.

Решено. Буду как можно аккуратнее приступать к активным действиям.

Заканчиваю смывать с себя грязь, а когда вода наконец становится чистой, закрываю кран и беру полотенце. Быстро вытираюсь, промокаю несколько раз волосы. Без фена все равно их не высушить, так что оставлю пока так. Беру одежду. Что это?..

Все вещи моего размера. С бирками. Они что – ездили в магазин, покупать одежду специально для меня? По спине бегут мурашки, не очень-то это приятно... Как представляю, что кто-то из них выбирал для меня белье... Бррр...

Но деваться некуда, кроме этих вещей в ванной есть только полотенце. Выйти в нем, будет худшим решением в моей жизни. Отрываю бирки и поспешно одеваюсь. На мне теперь черные лосины и черная же футболка, удлиненная сзади, но короткая спереди. Выходит так, что она полностью закрывает мой зад, но с трудом прикрывает живот. Не удерживаюсь и все-таки закатываю глаза. Осталось решить проблемы с обувью, свою я где-то потеряла, не могу же я ходить в носках?! Но пока у меня нет выбора, отправляюсь на выход, ощущая решительность и не подходящее к ситуации спокойствие.

В спальне меня ждет только Эйден, больше никого нет. Что несколько обескураживает. Куда делся конвой? Эйден секунду осматривает меня, удовлетворенно кивает сам себе и говорит:

– Отлично. Остальные уже ждут нас. Надо поговорить и решить, как будем поступать дальше. А пока, прими эту таблетку.

Он протягивает мне белую капсулу.

– Что это? – с опаской спрашиваю я, не решаясь взять ее из рук парня, чуть не убившего меня.

Похоже, я злопамятная.

– Это просто таблетка от головной боли. Думаю, самое время ей появиться, прошла уже пара дней, после твоих похорон, – он говорит спокойно, но с настойчивостью.

Опять же, деваться некуда. Беру таблетку и стакан воды, который он мне протягивает. Глотаю пилюлю и выпиваю половину стакана. Буквально через десять секунд головная боль отступает, и я с удивлением смотрю на него. Парень забирает стакан, ставит его на стол и говорит, уже не глядя на меня:

– Иди за мной.

Делаю глубокий вдох, прежде чем направиться к выходу из спальни. В неизвестность.

Глава 3

Выходим в коридор и поворачиваем налево. В ту сторону, откуда меня привели. От этого становится немного не по себе, сердце тревожно сжимается, невольно замедляю шаг и бросаю подозрительный взгляд на шагающего рядом Эйдена. Меня ведь не посадят в клетку? Снова.

Но он уверенно шагает вперед, и в итоге мы даже близко не подходим к двери, ведущей в кабинет Джона. Нужная нам дверь оказывается напротив спальни, через три двери слева. Тихонько с облегчением выдыхаю.

Эйден открывает для меня дверь и пропускает вперед. Ну надо же. Немного теряюсь, потому что не привыкла, чтобы со мной обращались столь учтиво. Эйден немного удивленно смотрит на меня и приподнимает светлую бровь, словно без слов спрашивая, чего это я медлю. Зачем-то киваю, отчего чувствую себя глупо. Резко отворачиваюсь и заглядываю в комнату.

По очереди заходим в просторное помещение, я бы назвала это гостиной, но комната какая-то невообразимо странная. В хаотичном порядке стоят небольшие диванчики и кресла, рядом с некоторыми из них – столики. В комнате четыре. ЧЕТЫРЕ стола. Да чем таким можно заниматься здесь?

Все уже в сборе. Кай, Макс и Рид как раз заканчивают раз-

ворачивать мебель, собирая ее в круг возле одного из столиков. Эйден закрывает дверь, и присоединяется к остальным. От тихого щелчка замка едва не вздрагиваю, но изо всех сил стараюсь взять себя в руки. Меня не заперли в клетке, это уже плюс.

Краем сознания отмечаю, что все рассаживаются так, чтобы можно было контролировать любое мое движение, при этом оставляя одно свободное кресло. Без разговоров прохожу к нему и сажусь. На столе стоят два ящика пива. Серьезно? Рассвело совсем недавно. Ну да ладно, не мне судить это странное мужское сборище.

Каждый берет себе по бутылке. И, хотя мне никто не предлагал, я тоже беру. Судя по тому, что никто не возражает, они не против. Но я не собираюсь пить, это так, чтобы хоть чем-то занять руки. Иначе начну нервно теребить край футболки. А они не должны знать, насколько сильно я волнуюсь.

На диване напротив сидит Джон, рядом с ним Маркус. Эйден и Дэн заняли кресла слева от них. Кай сел в кресло, а Рид и Макс на диван справа.

Все рассматривают меня с интересом, ну еще бы, они ведь видели меня только грязной и в рваной одежде. Некоторые из них смотрят с презрением. Как будто меня это трогает. Может, и трогает, но я надеюсь, что хорошо это скрываю, рассматривая каждого из них.

Перебрасываю влажные волосы на левое плечо и откидываюсь в кресле, делая вид, что мне все равно. Это прекрасная

возможность узнать, насколько я хорошая актриса. Я готова выслушать, что они мне скажут.

– Ханна, мы собрались здесь, чтобы обсудить твою дальнейшую судьбу, – произносит Джон, от его слов меня начинает слегка подташнивать. – Сама понимаешь, отпустить мы тебя не можем по ряду причин. Первая из них...

– Я видела ваши лица, – перебиваю я нервно.

Джон снисходительно улыбается, остальные не скрывают смехи.

– И это тоже, – кивает главарь, а потом слегка подается вперед и продолжает. – Но я говорил о побочных эффектах от сыворотки.

Понимающе киваю, хотя, признаться честно, не понимаю, какое им дело, если я вернусь домой и умру мучительной смертью от действия препарата, что мне ввели.

– Ага, знаю, – говорю я, имея в виду, что знаю, про что он говорит.

Все почему-то с подозрением смотрят на меня. Не могу удержаться и закатываю глаза, такое чувство, что они считают меня совсем недалекой:

– Вы уже упоминали об этом ранее, – торопливо поясняю я. – Да и Аманда рассказала, пока мы сидели в клетках. Также она сказала о таблетках, которые помогают справляться с побочными эффектами. И если я не буду их принимать, то скорее всего умру, ну или превращусь в овощ.

Все выглядят слегка удивленно, словно не ожидали от ме-

ня такой разговорчивости. Что ж, признаться честно, это один из моих минусов – болтать, когда волнуясь.

– Все верно, но так же ты не можешь уйти и по другой причине, – вновь заговаривает Джон. – Если тебя найдут члены "Равенства", то используют твою силу против неугодных им людей. А этого мы допустить не можем, – он пристально смотрит на меня, вероятно, ожидая какой-то реакции, но я молчу, не представляя, что сказать, поэтому Джон предлагает. – Ты можешь остаться у нас на некоторое время. Ты не будешь пленницей, но...

Он же это несерьезно? Они ведь не думают, что я буду сидеть в этом непонятном месте, пусть и не в качестве пленницы, но все равно без права на свободу? Не могу справиться с собой, ощущая, что терпение трещит по швам. Да, импульсивность – еще одно из моих качеств, когда я нервничаю. Перебиваю его, понимая, что меня заносит, но не могу ничего с собой поделать:

– В роли кого вы предлагаете мне остаться? Может быть, лабораторной мыши, над которой будут проводить опыты и заставлять горстями жрать таблетки?

Хочется треснуть себя по лбу. Это конец. Куда, спрашивается, делся мой настрой притвориться кроткой овечкой?

– А что, неплохая идея, – раздается фырканье, кто бы мог подумать, Маркуса.

Он в расслабленной позе развалился на диване и неспешно потягивает пиво.

Ну что за козел? Я знаю его десять минут, но уже всей душой терпеть не могу этого придурка! Кровь приливает к щекам, но я прилагаю колоссальное усилие, игнорируя Маркуса и делая вид, будто никто вообще ничего не говорил. Злюсь так, что скоро пар повалит из ушей. Знаю, что перебарщиваю и загоняю себя все глубже, но остановиться уже не могу:

– Или может быть мне готовить для вас, парни? Заняться уборкой? Стиркой? Танцевать стриптиз? Еще какие-то пожелания?

– А что, неплохая идея. Девчонка дело говорит. Кто бы мог подумать, что у нее есть мозги! – все тот же ненавистный насмешливый голос.

Пока я тихо закипаю, парни переглядываются и ухмыляются. Один Джон сохраняет невозмутимость. Эйден смотрит с интересом, но так... будто я его лабораторный проект. Дэн вообще, кажется, спит. Ну или ему просто невероятно скучно и он закрыл глаза.

– Нет, что ты, – успокаивающим тоном произносит Джон, не обращая внимания на мою вспышку. – Ничего подобного мы тебе не предлагаем. Если ты не доставишь нам проблем, то мы будем считать тебя нашей гостьей. И нам потребуется твое сотрудничество, ведь без этого Эйден не сможет подобрать для тебя лекарство от сыворотки "V".

– Гостьей? – встревает вдруг Рид. – Надеюсь, ты это несерьезно, Джон! Как мы можем ей доверять? Да она сто процентов попытается сбежать, или убить кого-нибудь из нас!

Злобно смотрю на него. Ага, вот с тебя бы и начала! Еще один придурок! За что мне все это? Снова начинает болеть голова, скорее всего сказываются постоянное напряжение и злость.

– Уверен, ничего подобного Ханна делать не будет. Это в ее же интересах, – сохраняет невозмутимость главный, внимательно глядя мне в глаза. – Что скажешь, Ханна?

– И чем я буду заниматься? Сидеть в четырех стенах, литрами сдавать кровь и ничего не делать? – с бессильным раздражением спрашиваю я, вцепившись в бутылку с такой силой, что удивлена, как это она до сих пор не разлетелась на осколки.

Конечно, глупо было надеяться, что меня отпустят с миром, но и то, какой оборот принимает дело, мне совсем не нравится.

– А что ты предлагаешь, отпускать тебя гулять по саду, чтобы ты при первой же возможности сбежала? – язвительно вступает в беседу Макс.

А в мою голову лезет абсолютно неуместная сейчас мысль: "У него что, всегда такое кислое лицо?"

Кажется, абсолютно каждый в этой комнате считает своим долгом указать на то, что я глупая, ничего не соображающая девица. Оглядываю всех по очереди и раздраженно выпаливаю:

– Я хочу выйти отсюда, найти ублюдков, которые сделали это со мной, – взмахом руки указываю на глаза. – И ото-

мстить!

С вызовом смотрю в глаза Джону, потому что скорее всего именно за ним будет последнее слово. Внутренний голос же вопит во всю мощь легких, если, конечно, они у него есть: "Браво, Ханна, великолепная работа! Ты в комнате всего десять минут, а уже слила им весь свой план! Просто замечательно, мать твою!".

Игнорирую подсознание. Парни наперебой начинают возмущаться, Джон призывает их к тишине, а Рид выдает со злостью в голосе:

– Ты никогда не выйдешь отсюда!

Изумленно смотрю на него, даже страх за свою жизнь не удерживает меня от следующих слов:

– Что, прости? Выйду, еще как! И если для этого мне придется переступить через труп, я сделаю это. Не сомневайся.

– Эй, ты только что угрожала одному из нас на глазах у всего Братства! За это тебя надо бросить обратно в клетку! – повышает голос Маркус, гневно сверкая глазами.

Боже, как же много этого парня. Ему, похоже, везде надо вставить свое слово.

Надо срочно как-то сгладить обстановку, ведь чего я действительно не хочу, так это возвращаться обратно в клетку. Говорю примирительным тоном:

– Я понятия не имею, какие правила в вашем так называемом Братстве. Да и что это за Братство такое вообще?

Они переглядываются, Джон пожимает плечами, и Макс

говорит, серьезно глядя мне в глаза:

– Мы называем себя "Братство Призрака".

Это шутка такая? Изю всех сил пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица, но у меня это плохо получается. Улыбка сама рвется наружу.

– Ты думаешь, это смешно? – со злостью спрашивает Маркус.

Да заткните его уже кто-нибудь!

Я через силу делаю серьезное лицо и говорю:

– Нет, что ты, – он на секунду расслабляется, а я продолжаю, не в силах сдержать смех. – Я думаю, что это очень смешно!

Я смеюсь и смеюсь, не могу остановиться. Кажется, у меня началась истерика. Ведь на самом деле не до такой степени мне смешно. Возможно, я делаю это специально, чтобы позлить Маркуса. Зачем? Да потому что бесит! Но скорее всего это все из-за нервов.

Тем временем, все просто смотрят на меня, никто даже ни разу не улыбнулся. У большинства из них каменные выражения на лицах. Приходится в срочном порядке брать себя в руки, что дается мне с огромным трудом.

– Ох, прошу прощения! – сжимаю бутылку между колен и вытираю слезы кончиками указательных пальцев, наконец задавив на корню желание смеяться. – Вы это серьезно? Без шуток? "Братство Призрака"?! – никто мне не отвечает, в воздухе повисает напряжение, и я не нахожу ничего лучше,

чем спросить. – А можно узнать, почему?

Джон тяжело вздыхает и секунд через десять говорит с завидным спокойствием.

– Мы призваны для борьбы с "Равенством" и сверхлюдьми, которых они создают. Мало кто знает о нашем существовании, поэтому Братство носит такое название. Оно появилось очень давно, и мы не в праве его поменять. Да и никто не возражал... до этого момента.

Призваны? Что это значит, черт возьми? Но я чувствую, что сейчас не то время, чтобы это выяснять. Вместо этого говорю примирительно:

– Простите. Обещаю, больше смеяться не стану. Можно мне узнать подробности? Зачем "Равенство" создает таких людей? – чувствую, что сейчас я подобралась к, пожалуй, самой важной на сегодня теме.

На этот раз мне отвечает Макс, небрежно передернув плечами, словно сообщает самую очевидную на свете вещь.

– Для захвата власти, конечно. Они хотят уничтожить всех "неверных" и создать новое общество.

Звучит как полный бред. Хмурю брови и, поразмыслив пару секунд, неуверенно спрашиваю:

– Но о каком равенстве тогда может идти речь, если они занимаются уничтожением людей?

– А у мыши и правда есть мозги. Быстро она дошла, – вставляет свое слово Маркус.

А мне так и хочется отправить бутылку на встречу с его

головой.

– Ну, с этим разобрались. Что с ней делать будем? – тут же с нетерпением спрашивает Рид.

В разговор неожиданно вступает молчавший до этого Эйден. И говорит он такую фразу, что все в шоке открывают рты. В том числе и я.

– Мы можем использовать ее. Против "Равенства".

– Как ты предлагаешь это сделать? – заинтересованно спрашивает Джон.

Эйден склоняет голову набок и задумчиво потирает правую бровь, словно план прямо сейчас выстраивается у него в голове:

– Сделаем из нее двойного агента. Потренируем, научим кое-чему. А потом придумаем, как подсунуть ее членам "Равенства". Они увидят в ней свою. А она может многое узнать для нас.

– Я по-прежнему уверен, что ей нельзя доверять! – вставляет Рид. – За ней понадобится круглосуточный присмотр.

Меня немножко бесит, что они говорят обо мне так, будто меня здесь нет.

– Да что тут придумывать? – вступает в разговор Маркус. – Закопаем ее на кладбище, она вылезет из могилы, а сектанты сами ее найдут!

Вот же... Пожалуй, его стоит убить первым! А потом уже Рида.

Осекаюсь. Господи, что это за кровожадность? Откуда это

во мне? Еще один из эффектов загадочной сыворотки? Мне это не нравится.

– Интересная идея, Эйден. Надо поразмыслить над деталями, – главарь смотрит на меня. – Ханна, что скажешь? Ты согласна поучаствовать? У тебя будет возможность отомстить.

– Согласна! – отвечаю без заминки, потому что это единственный шанс выбраться отсюда.

Мне даже придумывать ничего не пришлось. Все сделали за меня.

– Отлично. Поживешь пока в моей комнате, – говорит Эйден.

Все с еще большим удивлением, чем прежде, смотрят на него, я тоже. А Дэн, кажется, впервые проявил интерес к беседе. Он приоткрыл один глаз и внимательно смотрит на Эйдена.

– Прости?! – качаю головой, не скрывая язвительности, потому что все это уже перебор. – А где в это время будешь жить ты?

– В своей комнате. Ты займешь диван, он достаточно просторный для такой малышки, как ты, – с улыбкой говорит этот самоуверенный наглец. – А у меня будет возможность контролировать тебя, чтобы ты не совершала глупостей.

– Я тебе не малышка! – с негодованием бросаю ему. А потом обращаюсь напрямую к Джону. – А можно мне все-таки отдельную комнату?

– Либо так, либо отправишься в соседнюю с Мэнди камеру в лаборатории, где будешь закрыта на замок, – впервые за все время в разговор вступает Кай.

Рыжий улыбается так, будто предложил мне что-то веселое. Мэнди? Любопытно, что он назвал Аманду именно так. Возможно, эту информацию можно будет как-то использовать. Правда пока не знаю как.

– Отлично, – как можно более язвительно говорю я и спрашиваю с издевкой в голосе: – А в комнате Эйдена я не буду закрыта на замок?

– Нет. Ты можешь посещать столовую и спортзал вместе со всеми. Будешь тренироваться, – пожав плечами, говорит Джон.

– Хорошо, – сдаюсь я.

Да, мне предоставили выбор, но на самом деле, как такового выбора у меня не было. В голове крутится вопрос, с чего они вообще решили довериться мне, но я не буду его задавать, чтобы не вызывать подозрений. Вместо этого говорю, обращаясь к Джону:

– Мне понадобится еще одежда. Кто, кстати, подобрал эту?

Тишина приводит меня в замешательство. А затем доносится неохотное:

– Я.

Маркус.

На моем лице расплывается насмешливая улыбка.

– Спасибо. У тебя прекрасный вкус.

Его лицо краснеет то ли от злости, то ли от смущения. Но я уже не обращаю на него внимания.

– Также мне нужна какая-то обувь. Не могу же я все время ходить в носках!

– Думаю, с этим проблем не возникнет. Маркус, займись, – распоряжается Джон. – Что-нибудь еще?

– Можно еще вопрос?

Джон просто выгибает бровь и кивает. А я продолжаю:

– Моя семья...

Мне не дают договорить. Кай перебивает, я слышу долю сочувствия в его голосе:

– Тебе нельзя с ними видеться. Ты же умерла, и они тебя похоронили, помнишь? Представь, каково им будет, если они увидят тебя снова. Да еще и с такими глазами.

Как ни прискорбно это признавать, тут он прав. Спорить не буду. Просто мне до невозможности грустно, что я не смогу увидеться с родителями и сестренкой. Хлое всего двенадцать. Представляю, как ей сейчас тяжело. Возможно, тяжелее, чем маме и папе

– Ладно, – со вздохом говорю я, опустив голову и прикрыв глаза на пару секунд.

– Если больше нет вопросов, я, пожалуй, займусь делами. Эйден покажет тебе, что и где находится, чтобы ты не терялась. – Джон встает и быстро выходит в коридор.

Дэн, так и не сказавший ни слова на протяжении всего

времени, тоже поднимается со своего места и выходит за дверь вслед за главным.

– Готова? – обращается ко мне Эйден.

– К чему? – с опаской спрашиваю его, но уже догадываюсь, какой будет ответ.

– Покажу тебе лабораторию, и возьму немного крови.

– Да, – с обреченным вздохом отвечаю я.

Выбора ведь все равно нет. Ставлю так и не открытую бутылку обратно на стол, поднимаюсь на ноги и иду прочь из гостиной вслед за ним.

Глава 4

Лаборатория находится сразу через стену слева от гостиной. По обыкновению, это оказывается просторное помещение с белыми кафельными стенами, вдоль них стоит множество шкафчиков, внутри которых лежат какие-то медицинские инструменты и ровными рядами стоят пробирки. На столе в углу центрифуга и, я так понимаю, другие приборы для проведения анализов. Ничего себе! Никак не ожидала, что под словом лаборатория скрывается это.

Справа темная дверь, которая ведет, как я полагаю, к камерам, про которые мне говорили. В одной из них скорее всего живет Аманда.

Эйден жестом предлагает мне сесть на одну из двух кушеток, а сам идет к узкому шкафчику и достает пробирки для крови, жгут, шприц с толстой иглой, а также берет градусник, тонометр и фонендоскоп. От всего этого мне становится не по себе, ощущаю себя пациентом, которому диагностировали неизлечимую болезнь. Несмотря на то, что папа работает в больнице, я никогда не чувствовала себя комфортно в подобных заведениях.

Неуверенно прохожу к указанному месту и сажусь, стараюсь дышать ровно, чтобы не выдать волнения. Эйден кладет все приборы и инструменты на металлический столик, стоящий рядом с кушеткой.

– Зажми кулак, – командует он, и мне ничего не остается, кроме как подчиниться.

Эйден накручивает жгут на мою руку и через какое-то время прокалывает вену, собирая кровь в приготовленные пробирки.

Преодолевая тошноту, наблюдаю за процессом. С кровью явно что-то не так. Никогда не видела, чтобы она была настолько густой и текла так медленно. Но Эйден никак не реагирует, словно так и надо. Значит, скорее всего это тоже результат действия сыворотки. Думаю, процедура затянется надолго.

Не знаю, чем себя занять. Сначала разглядываю помещение, а потом переключаю все внимание на парня. Он стоит так близко ко мне, что я чувствую, как от него пахнет мятой, корицей и чем-то еще немного горьковатым. Необычное сочетание, интересное. Боже, о чем я только думаю?

Чтобы отвлечься задаю ему первый пришедший в голову вопрос:

– И часто ты так делаешь?

Эйден поднимает голову, слегка склонив ее набок и чуть нахмутив брови, будто его удивляет не вопрос, а сам факт того, что я с ним заговорила. Смотрит прямо мне в глаза и спрашивает:

– Делаю что? Беру кровь?

– Нет, – с тихим смешком отвечаю я. – Бросаешь копье в спину своей жертве.

Эйден несколько раз моргает, потом тихо смеется, качая головой. Его поведение настолько непринужденное, будто я и правда здесь гость, а не пленница. С очаровательной улыбкой, немного сбивающей с толку, он наконец отвечает:

– Во-первых, это было не копье. А во-вторых, не так уж и часто. Мои братья в основном сразу убивают таких как ты. А я... иногда даю шанс. Тебя вот убивать не собирался, хотел просто вырубить. Я часто даю шанс... девушкам. Вы более спокойны и устойчивы к действию сыворотки.

Застываю, ощущая, как внутренности сковывает ледяной страх. Чтобы не показывать, что боюсь, спрашиваю первое, что приходит на ум:

– Почему остальные не такие добренькие, как ты?

И меня действительно интересует этот вопрос.

Что ими вообще движет? Эйден только что спокойно и без сожалений признался, что они убивают людей. Мне уже стоит удариться в панику? Потому что кровь стынет в жилах от реальной угрозы моей жизни. Нет никакой гарантии, что меня оставят в живых.

Эйден внимательно смотрит на меня, как бы раздумывая, говорить мне что-то или нет. А это еще больше настораживает. Спустя несколько секунд он принимает решение и все же признается, чуть понизив голос:

– Пару лет назад один парень из измененных "Равенством" убил одного из наших. Нашего брата... – он замолкает и на мгновение отводит взгляд, а потом снова возвращает

его ко мне. – Поэтому чаще всего мы не даем второго шанса.

Вижу, что ему тяжело было признаться в этом, и сама ощущаю странную горечь. Чтобы немного сменить курс разговора, спрашиваю:

– Зачем было бросать в меня копьё?

Он вздыхает.

– Это было не копьё, а стрела. Я выстрелил, чтобы отвлечь тебя. И это сработало. Ты ведь отвлеклась на торчащую из груди стрелу, и я смог вырубить тебя.

Изумленно смотрю на него. Для него это что-то в порядке вещей, для меня же... мозг кипит.

– Seriously? Стрела? Это что еще за стрела великана?

Он снова начинает веселиться, а меня это несколько злит. Я что – похожа на клоуна?

– Обычная увеличенная стрела для арбалета, – тем временем с улыбкой поясняет Эйден.

Арбалет? Жесть.

– Значит, ты ходишь с арбалетом по кладбищу? – иронично замечая я, окончательно растеряв весь свой страх. – Интересно, а если тебя кто-нибудь с ним увидит, то что ты будешь делать, как объяснять?

– Меня не увидят, – самоуверенно заявляет он.

– Ты так уверен в этом. Ах, ну да, вы же "Призраки", – я делаю воздушные кавычки одной рукой, так как вторая занята, из нее все еще по капле течет кровь. – И как вы остаетесь невидимыми? У вас есть типа костюм, как в том фильме

про невидимку?

Боже, что я несу?!

Он смотрит на меня как на дуру. Я издаю нервный смешок, и он тоже смеется. Снова.

– Ничего подобного. Просто мы умеем держаться в тени, – вот и весь ответ.

Он молчит, явно не собираясь добавлять что-то еще, и я вздыхаю:

– Ладно, проехали. Долго еще? – киваю на пробирки.

– Я почти закончил. Мне нужно разобраться с твоей кровью: сделать некоторые анализы, чтобы понять, какую дозу лекарства тебе давать для снижения побочных эффектов от "V", – монотонно объясняет он, уйдя с головой в какие-то свои размышления.

– С чего такое рвение? – интересуюсь я, желая понять, для чего все это. – Почему ты решил создать лекарство? Или это секрет?

Он отвечает без запинки:

– Не секрет. Но пока я не готов с тобой этим поделиться. Готово.

Эйден извлекает иглу из вены. И мы вместе наблюдаем, как ранка почти мгновенно зарастает, будто ее и не было секунду назад. Жуть какая. Я в полнейшем шоке продолжаю сидеть, а Эйден тем временем измеряет мне давление и температуру, считает пульс, а затем записывает все показатели в блокнот. После этого еще и заставляет встать на весы. Когда

все эти процедуры выполнены он говорит:

– Можем идти. Пора завтракать.

Еда – это последнее, о чем я могу сейчас думать. Меня слегка подташнивает от осознания того, что моя жизнь изменилась и вряд ли когда-нибудь снова станет прежней. Тяну время как могу, потому что не хочу сейчас встречаться с остальными.

– Подожди, а где живет Аманда? Я бы хотела ее увидеть.

– Зачем тебе это? – он с подозрением смотрит на меня.

Как будто я собираюсь устроить большой побег из тюрьмы! Еле удерживаюсь, чтобы не закатить глаза. По-моему, этот парень проявляет подозрительность не там где надо.

– Просто посмотреть, какие у нее условия проживания, – невинно хлопаю ресницами, чем, похоже, ввожу его в легкий ступор. – И какие условия ждали бы меня, если бы я не согласилась жить с тобой в одной комнате.

Все это звучит как-то дико и непривычно для меня. Ведь с детства я жила в своей собственной комнате, которую ни с кем не приходилось делить, более того, я никогда ни с кем даже не ночевала. Это будет как минимум странно.

Эйден все-таки направляется к черной двери, которую я заметила ранее, оборачивается, смотрит на меня и зовет иронично изогнув бровь:

– Пошли, покажу тебе условия.

Шагаю следом, и уже через пять секунд мы заходим в соседнюю комнату. Вижу узкий коридор и три камеры, по-дру-

гому их никак нельзя назвать. Они достаточно просторные, но все равно – это камеры, а не комнаты! На каждой двери установлено большое смотровое окно, как будто это какая-то тюрьма. В одной из камер вижу Аманду. Она сидит на кровати и с удивлением смотрит на меня. Останавливаюсь напротив и смотрю на девушку. Это не то же самое, что видеть ее в клетке, но очень похоже.

– Интересно, – говорит она, насмешливо растянув губы. – Что же такого ты им предложила и на какие условия согласилась, что тебе разрешили передвигаться только с одним конвоиром?

Не нахожу, что ответить. Неприятное чувство теснится в груди, воздуха не хватает. Я хочу уйти.

Эйден же просто качает головой на замечание Аманды. Вероятно, он уже привык к ее яду.

– Ничего особенного я не делала, – нахожу наконец в себе силы ответить. – Просто согласилась на несколько условий с их стороны, и выдвинула пару своих.

Аманда выглядит удивленной. Возможно, она даже не задумывалась о том, что у них можно что-то попросить.

Раздается стук в дверь лаборатории, и Эйден предупреждает меня:

– Только без глупостей! – разворачивается и уходит открывать пришедшему.

Аманда смотрит на меня и с насмешливой улыбкой замечает:

– Как-то уж слишком легко ты продалась. Не ожидала, что это произойдет так быстро, – а потом улыбка пропадает с лица блондинки, когда она добавляет. – Правильно я говорила, что ты такая же дура, как остальные!

Я только хмыкаю в ответ, ничуть не обидевшись. По ту сторону решетки она, а не я. Кто из нас дура?

– Посмотри, чего я добилась всего за несколько часов нахождения здесь. А чего добилась ты за полгода? – выдерживаю многозначительную паузу и озвучиваю свою мысль. – Ну и кто из нас теперь дура?

До нее удивительно быстро доходит, к чему я веду. Теперь Аманда смотрит на меня по-другому, совсем без насмешки. Ее зрачки расширяются, это выглядит довольно странно. Обычным зрением я бы и не заметила, но теперь у меня зрение супер человека. Фу... как это звучит отстойно, тем не менее так и есть. Пора уже признаться, что что-то во мне изменилось, и мне только предстоит разобраться, что именно.

Аманда улыбается и одними губами произносит: "У тебя есть план?", я точно так же произношу в ответ: "Работаю над этим". Заговорщически переглядываемся, и на миг я чувствую странное родство с этой девушкой, и что я не одна, но тут возвращается Эйден, а за ним заходит Кай.

Стираю с лица все эмоции, но парни, кажется, ничего не замечают. Рыжий улыбается во весь рот и говорит:

– Мэнди, посмотри, я принес тебе завтрак. Как ты и заказывала: тут булочки с корицей, кофе и фрукты.

Хмм... И снова это его "Мэнди", больше ее, вроде, никто так не называет. И он что, подрабатывает официантом?

Аманда переводит на него взгляд, кивает и отходит от двери. Тоже отступая чуть в сторону. Эйден открывают замок, а Кай заносит в камеру завтрак, оставляет его на столике возле кровати и разворачивается на выход. Я машу девушке на прощание, она делает то же самое теперь уже без всякой злобы. Когда мы уходим, Аманда приступает к завтраку.

Чувствую, что тоже проголодалась, поэтому молча следую из лаборатории за парнями. Тянуть дальше нет смысла. Кай с любопытством смотрит на меня, и я отвечаю ему дерзким взглядом, на что он показывает мне большие пальцы. Большой что ли?

Проходим до конца коридора. Останавливаемся неподалеку от двери, ведущей в кабинет Джона, и мое сердце на миг замирает, но когда Эйден открывает противоположную дверь, не сразу, но начинает биться снова. Застываю, потрясенно оглядывая обстановку. Никогда не видела подобной кухни вживую, только по телевизору и в каталогах на сайтах дизайнеров. Она, что уже неудивительно, большая, похоже, как и все в этом доме, с ультра современной мебелью и техникой. Все уже собрались за столом, а у плиты стоит пожилая женщина, она поворачивается и тепло улыбается мне, мастерски делая вид, что не замечает странных глаз:

– Привет! Меня зовут Кристина, я готовлю еду и убираю за этими оболтусами.

Звучит нестройный хор возражений, а потом все смеются, словно большая дружная семья.

Это очень неожиданно. Ну вот вообще не ожидала увидеть здесь никого, кроме членов Братства. К столу прохожу не сразу, а только заметив, что Эйден и Кай уже заняли свои места, и все выжидательно смотрят на меня.

Наконец, тоже сажусь за стол. И мне снова "везет", напротив сидит Маркус. Черт бы побрал его и снисходительную ухмылку, застывшую на его лице!

От мыслей меня отвлекает голос женщины:

– Что будешь на завтрак, милая? – ее тон заставляет мое сердце замереть от тоски по прежней жизни. Каждое утро мама спрашивала у меня то же самое. Быстро беру себя в руки, улыбаясь в ответ.

– Немного фруктов, пожалуйста, и если можно, кофе.

– Сахар, сливки? – спрашивает Кристина с теплой улыбкой.

– Да, конечно, – бросаю взгляд на Маркуса, он насмешливо смотрит в ответ.

Да сколько можно? Что ему от меня нужно?

Отворачиваюсь и стараюсь смотреть только в свою тарелку, где Кристина красиво разложила порезанные фрукты, будто мне шесть лет, но все равно это приятно.

Завтрак проходит в полнейшей тишине, никаких разговоров или насмешек в мою сторону. Я слегка удивлена. Делаю последний глоток кофе и смотрю на Эйдана.

– Закончила? – спрашивает он. Я просто киваю. – Пойдём, устрою тебе небольшую экскурсию. Покажу, куда тебе можно заходить, а куда нельзя.

После еды мне не хочется никаких экскурсий. То ли напряжение после всего произошедшего сказывается, то ли бессонная ночь.

– Можно вернуться в спальню, пожалуйста?

Слышу фыркание от Маркуса. Как же он меня достал! Так и хочется разбить чашку об его темноволосую голову!

– Что случилось? Ты плохо себя чувствуешь? – с искренней заботой интересуется Эйден.

В который раз удивляюсь, почему он ведет себя со мной так... мило? Говорю как есть:

– Нет, просто немного устала. Я не спала ночью, поэтому хочу немного отдохнуть, если ты не против?

– Хорошо, никаких проблем. Пока ты будешь отдыхать, я как раз сделаю тесты с твоей кровью и рассчитаю необходимую для тебя дозу лекарства.

Отлично. С облегчением выдыхаю и поднимаюсь из-за стола, благодарю Кристину за завтрак и, не говоря больше ни слова, иду к выходу. Эйден догоняет меня и открывает дверь. Снова. Похоже, придется привыкать к этому. Идем по коридору обратно к его спальне, моей спальне...

Заходим внутрь, парень показывает где лежит чистое постельное белье и уходит, оставляя меня одну.

Так просто? Оставляя меня одну в комнате, он не боится,

что я сбегу? Хотя куда мне бежать? Октябрь, а я в носках. Да и выход мне вряд ли удастся найти до того, как меня заметят. С другой стороны, зачем мне бежать, если мне помогут отомстить тем, кто сделал это со мной? Ложусь на диван и закрываю глаза, в надежде уснуть, а проснуться дома. Легче думать, что все это ужасный сон.

– Пап, почему ты не веришь в меня? Я справлюсь! Я уже взрослая! Мне семнадцать! – сквозь слезы кричу я.

– Я знаю, малыша, но это очень опасно. Давай подумаем еще раз. Готова ли ты? – он смотрит на меня с тревогой такими же серыми, как у меня, глазами.

– Готова! Я точно знаю...

Резко распахиваю веки. Что это было? Сон? Если да, то он какой-то странный. И больше похож на воспоминание. Но я такого не помню. Такого точно не могло произойти. Не в этой жизни. Мы с папой всегда общались мало. И он никогда не называл меня "малышкой", чаще всего он обращался так к Хлое – моей младшей сестре. Со мной он вел себя более чем прохладно. Только с мамой у нас были великолепные отношения. Она любила нас одинаково и делила свою любовь поровну между мной и сестрой.

Сажусь на диван, приглаживаю волосы, они высохли, но не мешало бы их расчесать. Встаю, иду к окну, открываю тяжелые шторы и смотрю на улицу. Судя по всему, мы нахо-

димся на третьем этаже. Вокруг, насколько хватает взгляда, виден только лес. Густой лес. Солнце уже прошло половину своего пути, началась вторая половина дня. Да, немало я поспала. Иду в ванную, привожу себя в порядок. Нахожу расческу, она в новой упаковке, как я не заметила ее утром? Расчесываюсь, заплетаю косу и выхожу из ванной.

Замираю на пороге, потому что в комнате я не одна. Возле шкафа вижу Эйдена, он переодевает футболку. Я на мгновение замираю, рассматривая идеальный пресс, какой видела только на фотографиях в Пинтересте. Эйден выгибает бровь и выжидающе смотрит на меня. Поспешно отвожу взгляд, чувствуя, как краснеют от смущения щеки.

– Хорошо, что ты уже проснулась. -говорит Эйден, так и не дождавшись от меня ни слова. Краем глаза замечаю, как он поправляет футболку. – Я сделал первый вариант лекарства для тебя. И рассчитал нужную дозу, в соответствии с твоим весом. Держи.

Идет к столу и дает мне какой-то порошок в маленьком пакетике, что выглядит несколько подозрительно. Но, кажется, по какой-то неведомой причине я готова довериться ему.

– Вот, нужно растворить в воде и выпить за один раз.

Принимаю пакетик, подхожу к столу, наливаю из графина воды в стакан и одновременно высыпаю порошок.

– Когда обычно проявляются побочные эффекты? – спрашиваю между делом. Мне любопытно, ведь прошло столько времени, а у меня, кроме головной боли, покинувшей меня

еще утром, после таблетки, которую дал Эйден, больше не было никаких симптомов, описываемых Аmandой.

– Через два-три дня после "смерти", – он озадаченно смотрит на меня. – Когда ты *умерла*? – я бросаю на него недоуменный взгляд и он исправляется. – Какая дата смерти значится на твоём надгробии?

– А, это, – делаю глоток из стакана и кривлюсь от отвратительного вкуса. – Пятнадцатого октября.

– Хмм... – Эйден задумчиво хмурит брови. – Сегодня восемнадцатое. По идее уже должны были появиться первые симптомы. Была только головная боль? – когда я утвердительно киваю, делая очередной маленький глоток, он продолжает. – А сейчас нет?

– Нет, – пожимаю плечами. – Твоя пилюля мне помогла.

– Хорошо. Но все равно наблюдаем за твоим самочувствием, – парень наблюдает за тем, как я допиваю лекарство и добавляет. – А теперь время тренировки.

– Тренировки? – спрашиваю удивленно. Я вообще ни разу не спортсменка. – Какой еще тренировки?

– Вот прямо сейчас и узнаешь. Пойдешь со мной, посмотришь, что да как.

Он направляется к выходу, жестом приглашая меня за собой. Понурившись, неохотно плетусь вслед за ним в той же одежде, в которой ходила утром и спала, переодеться все равно не во что.

– Ладно, – бурчу себе под нос, будто ему требуется мое

согласие.

Глава 5

Выходим из спальни, но в этот раз идем направо до конца коридора, где находятся широкие двойные двери. Эйден открывает их и пропускает меня вперед.

Оглядываюсь и не верю своим глазам. Спортзал большой. Нет, огромный! Хотя, кто бы сомневался?! Вижу несколько беговых дорожек, различные спортивные тренажеры, штанги, в углу справа от входа висят две боксерские груши, с другой стороны от них стоит небольшой ринг. Вот это размах, так и хочется присвистнуть. Так и сделала бы, если б умела.

Парни стоят в центре зала, о чем-то переговариваясь, и оборачиваются, замечая, что мы вошли. Все они переоделись, ведь им, в отличие от меня, есть во что. Теперь они в спортивных штанах и футболках, у каждого бугрятся мышцы на руках, не прикрытых тканью. Видимо, они много времени уделяют тренировкам. Если бы не обстоятельства, я уже бы залила пол слюной. Ну а что? Внешность у всех что надо, вот с характерами некоторым не повезло.

Кстати, о некоторых. Не знаю, у него такая привычка, или он с чего-то решил выпендриться, но Маркус единственный без футболки. Хотя я прекрасно знаю, какой он мерзкий, и по-прежнему хочу его прибить, но не могу приказать себе не паяться. Никогда вживую не видела ничего подобного. Тело у Маркуса потрясающее: золотистая кожа, шесть иде-

альных кубиков пресса, косые мышцы живота совершенно не скрывают низко сидящие на бедрах спортивные штаны. Чтобы иметь такое тело, надо просто-напросто не вылезать из спортзала!

Наваждение проходит в тот же момент, когда мы встречаемся глазами. Он показушно потягивается, лениво ухмыляется, словно обожравшийся сметаны кот, и в своей обычной манере произносит:

– Нравится то, что ты видишь, мышонок? Если будешь тренироваться так же упорно, как я, то скорее всего сможешь прокачать парочку своих хилых мышц.

Скрипнув зубами, отворачиваюсь, ему не удастся вывести меня из себя. Надо же быть такой выскочкой! Даже великолепное тело не прибавляет плюсов к его карме. Решено. Постараюсь сделать вид, будто его вообще здесь нет!

Думаю, сегодня меня никто не будет заставлять тренироваться. Хотя мало ли что, но на всякий случай я морально готова.

Продолжаю разглядывать окружающее пространство, когда мое внимание привлекает Джон. Поворачиваюсь к нему.

– Думаю, для начала мы с тобой потренируем выносливость: будешь бегать на дорожке; меткость: займемся обучением стрельбе из арбалета, или метанием ножей, выберешь сама, что больше нравится.

Удивленно поднимаю брови, несколько раз озадаченно моргнув:

– Стрелять? Зачем мне стрелять?

– Если ты хочешь научиться защищать себя, мало иметь только силу.

– Ладно, хорошо, – соглашаюсь, потому что не вижу смысла спорить, хотя я вообще не согласна. – Я попробую. Но, думаю, с бегом придется повременить. Не могу же я бегать без обуви. Так недолго и травму получить.

– Ты не можешь получить серьезную травму, – встревает Эйден, который все еще продолжает стоять рядом со мной. – А если и получишь, то твоя регенерация сделает так, что ты этого даже не заметишь.

Я просто удивленно киваю. Никак не привыкну к изменениям, которые во мне произошли. Ведь все это кажется чем-то из рода фантастики.

– Начнем, пожалуй, с тренировки меткости, – продолжает Джон, взмахнув рукой. – В этом у нас мастер Макс. Он поможет тебе.

Поворачиваюсь в указанном направлении и вижу, что на дальней стене висят мишени, а рядом с ними несколько стеллажей с различным инвентарем: арбалеты и стрелы, копья... или не копья, пойдя – разберись, на столе лежат наборы ножей и звезд для метания. Вот это да! Сколько здесь оружия. Не боятся они меня допускать сюда? Вдруг я окажусь неадекватной и нападу на них.

Макс угрюмо смотрит на меня и просто кивает в сторону мишеней, я разворачиваюсь и плетусь за ним, оставив позади

Эйдена и Джона.

– Давай начнем с арбалета? – предлагает блондин все так же хмуро. – Для начала потренируемся стрелять обычными стрелами, они легче.

Подхожу к первому попавшемуся, но парень останавливает меня:

– Подожди. Нужно подобрать оружие по размеру и весу, так тебе будет легче стрелять, – оценивающе смотрит на меня, затем на стеллажи, подходит к ним, выбирает арбалет и дает мне.

Он тяжелее, чем мог показаться на первый взгляд. Ну ладно, думаю, в первый раз мне будет непросто с любым. Макс показывает мне, как правильно держать оружие, как заряжать и целиться. Ну, вроде ничего сложного. Я делаю первый выстрел и... даже близко не попадаю в мишень. Стрела отскакивает от стены примерно в двух метрах от мишени, ломается пополам, падает на пол и катится в нашу сторону. Теперь понятно, почему они не боятся. С моей-то меткостью.

За спиной раздаются смешки. Но я делаю над собой невероятное усилие, чтобы не обращать на них внимания. Хотя внутри все кипит от разочарования.

– Что я делаю не так? – спрашиваю Макса после еще нескольких провальных попыток.

Конечно, я не думала, что у меня начнет получаться с первых попыток, но чтобы эти самые попытки выглядели настолько жалкими...

Макс вздыхает, берет новый арбалет, заряжает его и поворачивается ко мне:

– Ты держишь неправильно, смотри, как надо, – он берет свое оружие точно так же, как я десять секунд назад, стреляет и попадает прямо в центр мишени. – Расслабь руку, ты чересчур напряжена.

Я пробую еще раз, с тем же успехом, что и прежде. Но я не намерена сдаваться. Пробую снова и снова. В конце концов, у меня ведь есть сила, должны же быть еще какие-то плюсы от действия сыворотки "V"?! Несколько раз стрела прилетает в мишень, но не застревает в ней, а просто отскакивает, от этого я начинаю злиться. Сжимаю арбалет с такой силой, что раздается треск. Я удивленно смотрю на оружие, так и есть, на корпусе появилась небольшая трещина. Поспешно кладу его на стол и говорю:

– Может, покажешь мне как метать ножи?

Макс со вздохом, вероятно, означающим вселенскую усталость, убирает арбалеты на место и переходит к ножам.

Через полчаса понимаю, что это полный провал, это даже скорее катастрофа! Я ни разу не попала в мишень, а только расстроилась и сильно вспотела, и теперь меня не покидает желание поскорее залезть под душ. Кто бы мог подумать, что моя новая сила вообще никак мне не поможет. Зачем она, спрашивается, вообще нужна, если от нее никакой пользы?! Хотя, по идее, у меня должна быть улучшенная реакция. Но это не так. И я то и дело слышу насмешки Маркуса, но пока

не могу показать ничего лучше.

Макс тоже считает это странным, хотя мы мало разговариваем. Он все время какой-то угрюмый, а я раздражена своими неудачами! Мы отличная команда.

Парни тренируются, занимаясь кто чем, похоже, один Маркус страдает фигней. Я слышу его смех чаще, чем указания от Макса. Боже, как же он меня бесит! Если бы я знала, что точно попаду в цель, то развернулась бы и, не раздумывая, бросила нож прямо ему в голову, но надо держать себя в руках, тем более, я вряд ли попаду ему даже в ногу, а это вызовет еще больший приступ веселья с его стороны. А я и так уже достаточно повеселила его сегодня.

Еще через какое-то время, когда я совершенно выдыхаюсь и не показываю никакого результата, кроме нулевого, к нам подходит Джон.

– Для первого раза неплохо, – говорит он.

– Ты, должно быть, издеваешься надо мной? – говорю ему с горьким смешком. – Да это хуже катастрофы!

Джон снисходительно улыбается:

– Ну, ничего страшного, будешь тренироваться – научишься. К тому же я видел, что ты старалась. Думаю, нам нужно отпустить Макса, а то он останется без тренировки. Давай займемся боксом? – когда я округляю глаза, он успокаивает меня. – Сегодня просто потренируемся с грушей, я покажу как.

Идем в указанном направлении, и Джон учит меня пра-

вильно ставить ноги и держать руки. И прежде, чем я успеваю сделать первый удар, он слегка наклоняется ко мне и шепчет прямо в ухо:

– Представь, что бьешь Маркуса, – по голосу понимаю, что он улыбается.

В ответ я тоже расплываюсь в улыбке. Ничего не говорю и наношу свой первый удар.

Замираю, пораженная результатом. На месте удара образуется трещина, из которой тонкой струйкой на пол высыпается песок.

Да, мать вашу! Я громко смеюсь! Наконец-то! У меня хоть что-то получилось! Это лучший момент за день. Чувствую, как на душе становится легче. Один не самый сильный удар реабилитировал предыдущие неудачи.

Раздается свист, и парни собираются вокруг нас. Я все еще счастливо улыбаюсь, а Джон задумчиво потирает подбородок и говорит:

– Да, над силой удара тоже надо поработать. Ладно, думаю, на сегодня мы закончили тренировку. Прими душ, ты это заслужила. Как и плотный ужин, обед ведь пропустила. Все, парни, расходимся! – говорит он, обращаясь ко всем.

Я все еще стою у груши, когда слышу, как меня зовет Эйден, он ждет меня возле двери. Направляюсь к нему, и слышу смешки Маркуса. Прохожу мимо него, не оборачиваясь, показываю ему средний палец, и выхожу из зала. От этого он смеется еще громче.

Эйден идет в комнату, а я следую за ним. Парень миролюбиво предлагает:

– Может пора заканчивать это противостояние с Маркусом? Будь выше этого!

Удивленно смотрю на него и качаю головой.

– Я не буду ему отвечать только в том случае, если он прекратит насмешки и перестанет обзывать меня! И, пожалуйста, не надо портить мне минуту триумфа разговорами об этом придурке!

– Эй, вообще-то я все слышу! – кричит Маркус, выходя из спортзала и закрывая за собой дверь.

Не хочу ему отвечать, поэтому без разговоров захожу в свою спальню. Да, я уже считаю ее своей. Надо еще как-то выселить отсюда Эйдена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.